

9. Ермаловіч, В. Аповесць Максіма Гарэцкага "Дзве душы" ў перакладзе на нямецкую мову вядомым славістам і перакладчыкам Норбертам Рандаў / В. Ермаловіч // Максім і Гаўрыла Гарэцкія: XXIII Гарэцкія чытанні: матэрыялы чытанняў (17 красавіка 2015). Мінск, 2015. – С. 123–126.
10. Бабкова, В. Спектакль "Дзве душы" ў пастаноўцы Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы/ В. Бабкова// Максім і Гаўрыла Гарэцкія: XXIV Гарэцкія чытанні: матэрыялы чытанняў (16 чэрвеня 2016). Мінск, 2016. – С. 14–16.
11. Гарэцкі, Р. Слова пасля выступлення Вольгі Бабковай / Р. Гарэцкі // Максім і Гаўрыла Гарэцкія : XXIV Гарэцкія чытанні: матэрыялы чытанняў (16 чэрвеня 2016). Мінск, 2016. – С. 17.
12. Шматкова, И. Воплощение фольклорной традиции в творчестве белорусских поэтов второй половины хх в. / И. Шматкова // Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира. Сер. Biblioteka Instytutu Polsko-Rosyjskiego / Под ред. И.И. Бабенко, И.В. Попадейкиной, М. А. Галиевой. – Вроцлав: Фонд «Русско-польский институт», 2015. – 306 с.

ПАСТЕРНАК. БРОДСКИЙ. ЧИКОВАНИ (ПСЕВДОИСТОЧНИК ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АЛЛЮЗИИ)

Г. Джохадзе

Государственный университет Ильи, факультет науки и искусства,
пр. Чолокашвили 3/5, 0162, г. Тбилиси, Грузия
e-mail: grigol_jokhadze@iliauni.edu.ge

Выступая перед выпускниками 1984 г. Williams College, И. Бродский коснулся концепта зла и его мощнейшего антидота. Он верил, что самый сильный модус противостояния содержат строки из Нагорной проповеди: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую...» (Матф. 5:39). По мнению Бродского, смысл этих строк отнюдь не пассивный, ибо из них следует, что можно обесмыслить зло чрезмерностью, что зло бессмысленно, когда его запросы оказываются ничтожными по сравнению с нашей уступчивостью, обесценивающей ущерб.

В статье рассмотрено почти идентичное понимание концепта зла, с которым мы столкнулись в личных письмах Б. Пастернака к грузинскому поэту С. Чиковани. И все же никто не сможет утверждать, что именно эти строки вдохновляли Бродского при формировании своей человеческой и поэтической идеологии.

Ключевые слова: зло, противостояние, абсурд, И. Бродский, Б. Пастернак, С. Чиковани.

PASTERNAK. BRODSKY. CHIKOVANI
(THE PSEUDO SOURCE OF ONE LITERAL ALLUSION)

G. Jokhadze

Ilia State University, Science and Arts Department,
Cholokashvili Ave. 3/5, 0162, Tbilisi, Georgia
e-mail: grigol_jokhadze@iliauni.edu.ge

Facing the Williams College graduating class of 1984, in his Commencement Speech I. Brodsky considered evil and its most powerful antidote. He believed the most robust mode of resistance to evil is “the famous business of turning the other cheek” — those verses from the Sermon on the Mount, but he argued that warping of intention and outcome arises from a misinterpretation and misapplication of the Sermon under mentioned. For Brodsky, the meaning of these lines is anything but passive for it suggests that evil can be made absurd through excess; it suggests rendering evil absurd through dwarfing its demands with the volume of our compliance, which devalues the harm.

An article discusses nearly the same explanation of the concept of evil we found in personal letters of B. Pasternak to Georgian poet S. Chikovani. But, still, no one could insist that exactly these lines inspired Brodsky in creation of his personal and poetic ideology.

Key words: evil, resistance, absurd, Brodsky, Pasternak, Chikovani

Сначала — немного хрестоматии:

Бродский — поэт-эрудит, и это особенно чувствуется в его эссеистике: активно осваивая и усваивая лучшие образцы отечественной и зарубежной поэзии, он отчетливо сформулировал для себя принцип необходимости своего постоянного духовного роста и рецепт лепки индивидуального, легко узнаваемого поэтического шедевра: сжатость, мощь, новизна, содержательность, эзоповская иносказательность, афористичность, мастерство, гармония и, как он любил заканчивать фразу, *etc, etc*.

Прекрасное знание и память, жажда полемизировать и узаконивать способствовали тому, чтобы выработать четкую, временами парадоксальную позицию о той или иной проблеме и в пределах литературы, и за ее пределами. Он любил трансформировать и развивать разные литературные аллюзии иногда до неузнаваемости.

Всем известны его высказывания о языке как о таковом. В основном «языковую» концепцию Бродского можно сформулировать следующим образом. Возникает ощущение, что язык способен на такие

конструкции, которые низводят человека в лучшем случае до роли писца. Что на самом деле язык использует человека, а не наоборот. Что язык течет в мир человека из царства нечеловеческих истин и зависимостей. Что, в конечном счете, это — голос неодушевленной материи, и что поэзия лишь время от времени регистрирует исходящие от него волны [1, с. 5].

Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку. Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее [2]. Язык — вещь более древняя и более неизбежная, чем государство [3]. Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования [2]....У. Х. Одэн действительно сказал, что время (вообще, а не конкретное время) боготворит язык, и ход мыслей, которому это утверждение дало толчок, продолжается во мне по сей день. Ибо «обожествление» — это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше, или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства. Так меня учили, и я действительно так чувствовал. Так что, если время — которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество — боготворит язык, откуда тогда происходит язык? Ибо дар всегда меньше дарителя. И не является ли тогда язык хранилищем времени? И не поэтому ли время его боготворит? И не является ли песня, или стихотворение, и даже сама речь с ее цезурами, паузами, спондеями и т. д. игрой, в которую язык играет, чтобы реструктурировать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время? И если время «прощает» их, делает ли оно это из великодушия или по необходимости? И вообще, не является ли великодушие необходимостью? [4, с. 56].

Можно, конечно, говорить о влиянии У. Х. Одэна, который пишет в своем стихотворении, посвященном У. Б. Йейтсу, что время (*Time*)

*Worships language and forgives
Everyone by whom it lives;
Pardons cowardice, conceit,
Lays its honours at their feet* [5].

Сам Бродский перевел эту строчку так:

<...> чтит язык и всех, кем он
сущ, продлен, запечатлен,
их грехи прощая им
как преемникам своим [6].

Некоторые исследователи, более «беспощадные» в своих исканиях, выдвигают предположение об осведомленности Бродского о дискуссиях по гипотезе лингвистической относительности Сепира — Уорфа, развернувшихся в 1960—1970-е гг. [7, с. 272].

Другие предполагают, что Бродский знал и о доуорфовских истоках концепции власти языка над человеком — прежде всего об идеях Гумбольдта [8, с. 67].

Небезызвестный Эдуард Лимонов дважды упрекнул Бродского в том, что его утверждение-лозунг, что родина писателя — это его язык, несомненный, присвоенный от Роб-Грийе плагиат, закавыченная якобы аксиома [9, с. 24; 10].

В одном меня никто никогда не упрекал: в ленивости. И в подтверждение к этому я не поленился, поискать в эссе и интервью Бродского именно это выражение, но не нашел, как раз такой интерпретации нет, как не обидно. Может быть, Лимоновский вариант просто инверсированный отголосок Хайдеггерского: «Язык есть дом бытия»? В конце концов, он же говорил, что язык сам начинает оказывать влияние на бытие человека в мире...

Можно заключить, что Бродский мало-помалу, поэтапно складывал свое литературное и человеческое кредо и в разных вариациях высказывал его.

Например, он очень часто упоминал, что для человека, чей родной язык русский, разговоры о политическом зле столь же естественны, как пищеварение.

Он же разыграл фразу Рейгана *Evil empire* (Империя зла), ставшую политическим клише, и так озаглавил свой дифирамб, написанный в честь Солженицына и его книги «Архипелаг ГУЛаг» в 1977 г. — «География зла» [11, с. 4-8; 12, с. 637-645].

Позже, а именно в 1984 г., выступая перед выпускниками Уильямс-колледжа, в своем напутствии Бродский говорил о встрече со злом и о своеобразной борьбе с ним, а в основном — о том, что зло сильно монолитностью. Оно расцветает в атмосфере толпы и сплоченности, борьбы за идею, казарменной дисциплины и окончательно

ных выводов. Тягу к подобным условиям легко объяснить его внутренней слабостью, но понимание этого не прибавит силы, если Зло победит. А Зло побеждает, побеждает во многих частях мира и в нас самих.

Бродский рассказывал молодым американцам о способе сопротивления Злу, который поможет им выйти из схватки если не с большим результатом, то с меньшими потерями, и упоминает знаменитое изречение из Нового Завета «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф. 5:39). Ортодоксальный выход из ситуации — это концепция пассивного непротивления и ее главный принцип — воздаяние добром за зло, т. е. отказ от мщения. Но кто подставляет другую щеку, тот, самое большее, сводит на нет успех противника. «Смотри, — как бы говорит вторая щека, — ты мучаешь только плоть. Тебе не добраться до меня, не сокрушить мой дух». Правда, это и в самом деле может раззадорить обидчика.

Потом Бродский вспоминает, что двадцать лет назад в одной из многочисленных тюрем на севере России в семь часов утра дверь камеры распахнулась, и вертухай обратился с порога к заключенным: «Граждане! Коллектив военизированной охраны вызывает вас на социалистическое соревнование по рубке дров, сваленных у нас во дворе». «А если я не буду соревноваться?» — спросил один заключенный. «Останешься без пайка», — ответил страж. Узники и охрана вкалывали от души, и к полудню все, в первую очередь изголодавшиеся зеки, выдохлись. Объявили перерыв, все сели перекусить, кроме заключенного, который спрашивал утром об обязательности участия. Он продолжал рубить. Все дружно над ним смеялись и острили в том духе, что вот-де, говорят, будто евреи хитрые, а этот — смотри, смотри... Вскоре работа возобновилась, но уже с меньшим пылом. В четыре у охранников кончилась смена. Чуть позже остановились и зеки. Лишь один топор по-прежнему мелькал в воздухе. Несколько раз ему говорили «хватит» и заключенные, и охрана, но он не обращал внимания. Он словно втянулся и не хотел сбивать ритм или уже не мог. Со стороны он выглядел роботом. Прошел час, два часа, он все рубил. Охрана и заключенные смотрели на него пристально, и глумливое выражение на лицах сменилось изумлением, затем страхом. В половине восьмого он положил топор, шатаясь, добрал до камеры и заснул. В остаток срока, проведенного им в тюрьме, ни разу не организовывалось социалистическое соревнование между охраной и заключенными, сколько бы дров ни привозили в тюрьму.

По Бродскому, парень помнил продолжение библейского стиха:

«И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; И кто принудил тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два» (Матф. 5:40). Смысл этих строк никак не в призыве к пассивности, а в доведении зла до абсурда. Они говорят, что зло можно унижить путем сведения на нет его притязаний вашей уступчивостью, которая обесценивает причиняемый ущерб [13].

Как я установил с помощью известного американского поэта и переводчицы Лин Коффин, которая в то время работала ассистентом Бродского в колледже Эн-Эрбор Мичиганского Университета, Бродский рассказал об этом случае, вероятнее всего, в 1972 г. на факультете славистики в своем кабинете, когда госпожа Коффин попросила «гражданина Джо», как он тогда любил представляться, вспомнить о ссылке. Лин Коффин даже написала стихотворение *Two Memoirs of Joseph Brodsky*:

The first prison was built around a large courtyard and they used that yard to stack Siberian timber: the whole area was, to employ the Americanism, under-developed, and lumber was its only resource, и т. д.

Как и часть русских исследователей, госпожа Коффин считает, что случай произошёл с самим поэтом, однако мне неизвестно, чтоб Бродский когда-либо сидел в лагере. Скорее всего, это сюжет неизвестного происхождения, который и родил известное неординарное осмысление Евангельского стиха.

А сейчас давайте заострим наше внимание на том пассаже интерпретации вышеприведенного текста, где поэт говорит о доведении зла до абсурда. Как подтверждает Лев Лосев, высшим открытием литературы нового времени Бродский считал абсурд. Зло-Абсурд Бродского — это Зло-Хаос, глядящий на человека сквозь прорехи бытия у романтиков. Любая развлекательность, литературность гримирует и переодевает абсурд, маскирует хаос. Нельзя развлекать тем, что по природе своей однообразно, бесконечно повторяемо и монотонно, а «литература одомашнивает зло».

Мне думается, что для формирования такого подхода поэт мог бы пользоваться блестящим эссе Альбера Камю «Миф о Сизифе», но в данном случае это мало чем интересно. Бродский думал, что в «Раковом корпусе» Солженицын не смог довести рассказ до абсурда, а в «Архипелаге» он создал адекватную книгу зла, потому что «всякая книга зла длинна и монотонна...» [14].

Работая над письмами Пастернака к грузинским коллегам, наткнулся на текст, который датируется 29 апреля 1951 года. Письмо —

Симону Чиковани, грузинскому поэту, близкому другу Пастернака, который в 1944—1951 гг. руководил союзом писателей Грузии, однако в 1951 г. его освободили от занимаемой должности. Его наряду с Георгием Леонидзе обвинили в «туманности и формализме».

Хорошо известно, что к середине 1936 г. отношение властей к самому Пастернаку меняется — его упрекают не только в «отрешённости от жизни», но и в «мировоззрении, не соответствующем эпохе», и безоговорочно требуют тематической и идейной перестройки. Это приводит к первой длительной полосе отчуждения Пастернака от официальной литературы.

Пастернак уже по себе знает, что мелкие бездарности и ничтожества, озлобленные недочётами своей природы, готовы мстить каждому, кто от них свободен, и так наставляет своего друга:

«Помните, Симон, с тем большей безропотностью соглашайтесь со всем, что услышите, чем оно будет абсурднее. Евангельское подставление левой щеки в дополнение к правой есть не чудо святости или вершина подвижничества, но единственный практический выход из положения, когда видимость судит действительность» [15, с. 43].

В заключение я мог бы присоединиться к рядам назойливых критиков и историков литературы и попытаться утверждать, что база постулата о прощении зла просматривается именно в письме Пастернака, но это занятие считаю обоюдно бесплодным, да и бессмысленным.

Поэтическая идеология формируется так же, как и поэтическое наследство: посредством ассоциации, намеков, языковых и метафорических параллелей... Поэт использует мышление для своих целей, поглощает идеи, темы и т. д., и если в результате читатель меняется и, как говорит один современный грузинский поэт, становится на одну слезинку больше, цель достигнута.

Литература

1. Бродский, И. С любовью к неодушевленному: Четыре стихотворения Томаса Гарди / И. Бродский // Звезда. – 2000. – С. 5.
2. Бродский, И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] / И. Бродский. – Режим доступа: <http://lib.ru/BRODSKI/lect.txt>. – Дата доступа: 03.01.2018.
3. Бродский, И. Письмо Л. И. Брежневу [Электронный ресурс] / И. Бродский // Журнал «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/BRODSKI_IOSIF_ALEKSANDROVICH.html?page=0,2. – Дата доступа: 03.01.2018.

4. Brodsky, J. Less Than One: Selected Essays / Brodsky J. – New York : Farrar Straus Giroux, 1986. – P. 56
5. Auden, W. H. In Memory of W. B. Yeats [Электронный ресурс] / W. H. Auden. – Режим доступа: <https://www.poets.org/poetsorg/poem/memory-w-b-yeats>. – Дата доступа: 03.01.2018.
6. Оден, У. Х. Памяти У. Б. Йейтса [Электронный ресурс] / У. Х. Оден. – Режим доступа: <http://neolirik.livejournal.com/62649.html>. – Дата доступа: 03.01.2018.
7. Ахапкин, Д. Иосиф Бродский – поэзия грамматики / Д. Ахапкин // Иосиф Бродский и мир: Метафизика, античность, современность. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2000. – С. 272.
8. Хайров, Ш. «Если Бог для меня и существует, то это именно язык»: языковая рефлексия и лингвистическое мифотворчество Иосифа Бродского / Ш. Хайров // Новое Литературное Обозрение. – 2004. – №. 67
9. Лимонов, Э. Ветхий Бродский – великий американский поэт / Э. Лимонов // Книга мёртвых. – М., 2000. – С. 24
10. Лимонов, Э. Книга мертвых – 3, Кладбища [Электронный ресурс] / Э. Лимонов // Литмир. – Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=273248&p>. – Дата доступа: 03.01.2018.
11. Бродский, И. География зла / И. Бродский // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 4-8;
12. On Socialist Democracy by R. Medvedev // Partisan Review. Vol. 44. № 4. Winter 1977. P. 637–645
13. Бродский, И. Напутствие [Электронный ресурс] / И. Бродский – Режим доступа: http://lib.ru/BRODSKIJ/br_naput.txt. – Дата доступа: 03.01.2018
14. Лосев, Л. Солженицын и Бродский как соседи [Электронный ресурс] / Л. Лосев //. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/losev_brodsky_i_solzhenizyn_sosedi_2000.pdf. – Дата доступа: 03.01.2018
15. Пастернак, Б. Из писем разных лет / Б. Пастернак. – Москва : Изд-во «Правда», 1990. – с. 43

ВЛИЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА НА ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРУ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ XI–XIII вв.

К. И. Козлова

Белорусский государственный университет,
Институт теологии им. свв. Мефодия и Кирилла,
пр-т Независимости, 24 220030
Минск, Республика Беларусь
e-mail: xristina.kozlova@gmail.com